

Алексей Яковлевич Корепанов
Время Чёрной Луны

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156305
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Все началось с появления Черной Луны. Мир преобразился, и неведомый путь пролег за горизонт. На этом пути будет много всего – ведь Черная Луна возникла не случайно. Двойники... Подземелья... Храм... Вторжение... Птица Рон... Все пойдет так, как было задумано когда-то. Но любым замыслам можно противостоять.

Содержание

1	5
2	11
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алексей Корепанов

Время Черной Луны

*И временами в нашей тишине,
прорвавшись из просторов запределий,
скользнув извне под будничный покров,
вихрясь нездеиной призрачной метелью,
пронзают сумрак отблески миров...*

1

...И ничего особенного вроде бы и не произошло, все было обычным и привычным, таким, как всегда... Просто я посмотрел на небо – иногда все-таки еще хочется посмотреть на небо – и увидел Черную Луну. Обыкновенную луну, к которой все настолько привыкли, что даже не обращают внимания, но – черную. И в черном ее свете, в удивительном ее сиянии окружающее предстало не то чтобы странным, но таким обнаженным, как бывает обнажен труп в морге, и я невольно закрыл глаза.

Впрочем, это не могло помочь, потому что окружающее, конечно же, впечаталось в мое сознание, и разве в чьих-либо силах было уничтожить этот отпечаток?

«Иллолли», – шепнул я про себя придуманное (так мне показалось) слово, надеясь на него. А на что же еще мне было надеяться?

«Иллолли»...

Что это было – имя? название? ничего не значащее сочетание звуков? заклинание? символ?

Иллолли...

Необъяснимое это звукосочетание, даже не произнесенное, а только подуманное, произвело все-таки какое-то воздействие на окружающий мир, и я почувствовал, как ноги мои погружаются в трясину.

«Иллолли»...

Отзвук стих.

Я рванулся в сторону, вцепился пальцами в кривой ствол низкорослого дерева – его жесткая кора обожгла кожу, как напильник, – и, собрав все силы, сумел-таки выкарабкаться из болотной жижи. Отдышался, привалившись к стволу, подождал, пока прекратится звон в ушах, и, перешагивая с кочку на кочку, балансируя расставленными руками, как канатоходец в старом добром цирке, выбрался на сухой пригорок, покрытый ломкой желтой травой.

Брюки до колен промокли, жижка залилась в сапоги, но я не рискнул останавливаться и сушиться здесь, на открытом месте, совершенно мне незнакомом. Слишком доступной мишенью я был на этом желтом бугорке, вдававшемся в бирюзово-бурое пространство болота. Взглянув на пустынное, блеклое и безопасное вроде бы небо, я направился к растущим неподалеку густым кустам, усыпанным мелкими черными горошинами каких-то неведомых ягод.

И только разувшись и сняв для просушки брюки, я догадался проверить многочисленные карманы своей короткой, исполосованной «молниями» куртки. К моему разочарованию, в карманах не обнаружилось ничего, заслуживающего внимания: всего лишь расческа, закомпостированный троллейбусный талон, клочок бумаги с чьим-то номером телефона, записанным карандашом, носовой платок, плоский гладкий зеленый камешек треугольной формы и тому подобные необязательные мелочи. И ничего, свидетельствующего о том, что я собирался в дальний путь. Правда, куртка и брюки казались весьма удобными для преодоления разных препятствий, а уж сапоги были явно походные: с низкими голенищами, толстой, но не тяжелой рубчатой подошвой, пружинящей при каждом шаге. А ведь совсем недавно я был одет и обут совсем не так...

Хотя солнце скрывалось за облачной пеленой, воздух был теплым и сухим. Стояло полное безветрие, и над болотом висела едва заметная сиреневая дымка. С трех сторон болото обступал далекий лес. За моей спиной кусты, постепенно редая, тянулись вверх по склону к каменистому перевалу. Было неправдоподобно тихо, словно меня с головой закутали в толстое одеяло.

Не с неба ли я свалился в это болото?...

Я стоял в кустах, разглядывая совершенно незнакомый мир, всосавший меня, мир, похожий на картину, где ни один предмет не может сдвинуться с места, хоть чуть-чуть изменить свое положение в застывшем пространстве, созданном художником, – и вдруг картина ожила.

Может быть, это я своим присутствием оживил ее?

Бурая поверхность болота всколыхнулась, раздалась невнятные чмокающие и клоко-чущие звуки, и из потревоженной жижи вылезла чешуйчатая приплюснутая голова чудовища с выпуклыми багровыми глазами и разинутой зубастой пастью. Глаза, не мигая, уставились в мою сторону. Вновь зашевелилась, зачавкала трясина, исторгая еще одного монстра. Я невольно сделал шаг назад и пригнулся, но затем все-таки выглянул из кустов.

Две головы на толстых коротких шеях, напоминающих обрубки гигантских деревьев, некоторое время торчали над топью неподвижно, а потом заклацали страшными челюстями и, сопя, двинулись сквозь болото к моему берегу. Была в их размеренном движении такая несокрушимая мощь, подобная мощи атомного ледокола в неокрепших льдах, что я понял: даже если бежать очень быстро, рано или поздно они настигнут, потому что ледоколам неведома усталость. Кроме того, бежать было некуда – в кустах не очень-то разбежишься, а каменный перевал, возможно, был вовсе не перевалом, а краем пропасти. Да и стоило ли, право, уходить в этот мир, чтобы улепетывать босиком и без брюк при первом же намеке на опасность? Сидел бы дома, безнадежно глядя на небо с Черной Луной...

Тем не менее, продолжая следить за приближением болотных чудовищ, я натянул брюки и обулся. Серые чешуйчатые головы добрались до одинокого дерева – моего спасителя, закрыли веками-заслонками багровые прожектора своих глаз и одновременно погрузились в пучину. Я, не отрывая взгляда от болота, медленно отступал все дальше в кусты, когда они вновь всплыли у самого пригорка. Я понял, что там, в черной смрадной глубине, они искали мое тело.

Теперь они, несомненно, продолжат поиски на суше.

Они друг за другом ступили на пригорок – огромные, четырехлапые, длиннохвостые, закованные от выпирающего на затылке первого позвонка до крестца в зеленоватые овальные костяные пластины, заходящие одна за другую. Они передвигались по суше так же мощно и несокрушимо, как и в болотной хляби, уверенно прессуя землю широкими перепончатыми лапами. Бурые струи стекали с их выпуклых боков, тина опутывала хвосты, волочащиеся по траве подобно спящим питонам. С сопением и треском болотные монстры вломились в кусты, неуклонно приближаясь ко мне.

О спасении нужно было думать раньше. Теперь оставалось надеяться только на «дэус экс махина», а попросту на чудо или (а вдруг?) на добродушие этих грозных на вид созданий. Я зажал в кулаке плоский зеленый камешек и загадал желание. И остался стоять в гуще тонких ветвей, опустив голову и закрыв глаза. Нарастающий треск кустов и сопение – словно включили на полную мощность десяток компрессоров. Ближе... Ближе... Земля содрогалась под их многотонными телами, и эта дрожь передавалась мне.

Шум компрессоров накатился – и стал стихать, и перестала дрожать земля, и я все еще был цел и невредим. Я погладил пальцем теплую и гладкую поверхность камешка и открыл глаза. И увидел поверженные растоптанные кусты и широкую просеку, идущую вдоль кромки болота. Исполины, миновав меня, удалялись к лесу, мерно покачивая змеиными головами. Ледоколы...

Камешек ли мне помог? Или что-то другое?

Ледоколы внезапно остановились и оглянулись. Я мог поклясться, что они видят меня, беззащитного, безоружного, застывшего под кустом. Две пары багровых глаз холодно смотрели издалека. Я старался не дышать. Казалось, прошло бесконечно много времени, прежде чем гиганты отвернулись и продолжили свой путь.

И я, кажется, понял. Это было первое и, наверное, последнее предупреждение. Они не тронули меня, давая мне возможность сразу же расстаться с этим миром и вернуться туда, где все, как всегда. Вернуться, забыть и продолжать привычные дела. Вернуться...

Я присел на корточки под кустом, подбросил и поймал треугольный камешек, сорвал черную скользкую ягоду. Она оказалась сочной и слегка кисловатой, напоминающей по вкусу что-то с детства знакомое, но в детстве же и оставшееся. Потом поднялся и зашагал вверх по склону, к тому, что казалось отсюда перевалом. Я должен был попытаться выяснить смысл этого слова, совсем недавно придуманного мной. А может быть не придуманного? Услышанного? Воспринятого моим мозгом по неведомым телепатическим каналам? Отысканного сетями воображения в клокочущей беспредельности информационного поля?

Иллолли...

Перевал оказался все-таки именно перевалом. Противоположный склон, длинный и пологий, был загроможден угловатыми глыбами, словно там когда-то прошел каменный дождь. Вдали склон плавно перетекал в поросшую зеленой травой равнину. По равнине были разбросаны рощицы высоких деревьев, уходящих в облачное небо. И нигде не было видно ни тропинок, ни дорог. Равнина лежала в подкове холмов, подобных тому, на вершине которого я стоял, и обрывалась у самого горизонта обширной водной гладью. И там, на горизонте, на макушке нависшего над морем холма, возвышались серые башни и стены замка.

Декорации были расставлены.

Я оглянулся, прежде чем пускаться в путь к далекому замку. И не обнаружил за спиной ни кустов, ни леса, ни болота. Прихожая, ведущая в мир за перевалом, исчезла. Позади меня тоже тянулся склон, усыпанный камнями, лежала равнина с зелеными рощицами, и на холме над морем вздымались серые башни замка. Теперь позади меня было зеркало, преградившее дорогу обратно, к привычным вещам и явлениям. И я сомневался, что смогу его разбить, даже если очень захочу.

Все-таки невозможность выбора иногда бывает полезной, разом кладя конец колебаниям и просчету вариантов. Через несколько минут я уже спустился по склону и направился по высокой траве в сторону замка, поглядывая на по-прежнему безопасное с виду небо и желая, чтобы оно и впредь оставалось безопасным. И не только небо, но и все остальное, потому что у меня не было никакого оружия. Не мешало бы обзавестись хотя бы палкой. Конечно, какое из палки оружие, да еще в неумелых руках, но все-таки – хоть какая-то видимость защиты. Сломать сук потолще в ближайшей рощице... «Дай, о Кедр, ветвей зеленых, дай мне гибких, крепких сучьев...» Я на всякий случай нащупал в кармане зеленый камешек, вновь погладил его и свернул к деревьям.

... Он, казалось, только тем и занимался, что поджидал меня, сидя под деревом в позе отдыхающего: прислонившись спиной к могучему, подобному колонне, пятнистому стволу и вытянув ноги. В его волосах запутались свернувшиеся трубочками сухие листья, и на плечах его тоже лежали листья, словно он сидел тут, неподвижно, уже очень давно, со времен листопада. На нем была серая рубашка с короткими рукавами и обыкновенные джинсы цвета речной воды в центре городской агломерации, а кроссовки валялись поодаль, рядом с черной сумкой на длинном ремне. Все его вещи были моими.

Мы увидели друг друга, кажется, одновременно. Только для меня это было неожиданностью, а для него, вероятно, нет, поскольку он сразу приветственно помахал рукой, в то время как я просто застыл на месте.

Потому что я узнал его сразу, вопреки примерам на сей счет из литературы.

– Я ждал тебя, – сказал он, поднимаясь и отряхиваясь от листьев. – А ты, видно, не очень-то спешил.

Последние слова прозвучали, скорее, как утверждение, чем как вопрос, поэтому я просто неопределенно пожал плечами. Он ведь, наверное, знал все не хуже меня, недаром же

мы с ним были так похожи друг на друга. Скорее всего, это и на самом деле был я, только здешний, из мира с равниной и замком.

– Сумку не оставляю, будет мешать, – сообщил он, вновь присаживаясь, чтобы обуться, и глядя на меня снизу вверх. – Еда-питье не проблема. А вооружением обеспечу. Оно, конечно, не панацея, но для сохранения уверенности в своих силах и возможностях вполне годится. – Он раздвинул «молнию» на сумке. – Держи.

Я поймал брошенный в мою сторону черный предмет, повертел в руках. Это было нечто вроде небольшого пистолета с массивной рукоятью и скошенным, чуть утолщенным на конце стволом, коротким округлым стержнем вместо курка и прозрачным пустотелым прямоугольным выступом под рукоятью. Я перевел взгляд на того, кто тоже был мною, – он уже уходил, повесив сумку на плечо.

– Подожди, куда ты спешишь? Может, хоть что-нибудь объяснишь? – попытался я его задержать. – Как им пользоваться?

Он на ходу обернулся и с улыбкой посмотрел на меня:

– Разберешься, дело нехитрое. А общаться некогда – мне давно уже пора.

Я стоял со странным пистолетом в руке и провожал его взглядом. И только когда он вышел из рощицы и зашагал по траве, держа путь к каменистому склону, упирающемуся в зеркало, я крикнул вдогонку:

– Ты знаешь, что означает «Иллолли»?

Но он не остановился и ничего не ответил. Не захотел ответить. Или не мог.

Я следил за ним до тех пор, пока он не добрался до вершины холма. Он все-таки обернулся на прощание, махнул рукой и исчез в зеркале. Растворился в нем. Или просто перебрался на другую сторону. Во всяком случае, исчез из этого мира, выполнив свою функцию. А какую же функцию предстоит выполнить мне?...

За рощицей обнаружилось серое, как небо, озерцо, окольцованное узкой полоской желтого песка. Сквозь непрозрачную воду даже у самого берега ничего не было видно, а производя осторожную разведку обутой в сапог ногой, я не нащупал никакого дна. Озерцо образовалось или на месте провала в подземные пустоты, или на месте вмятины от падения метеорита, залитой дождями и талыми водами. Или заполняло искусственный котлован, вырытый каким-нибудь одичавшим экскаватором. В воде застыло мое неясное отражение с пистолетом в руке.

Озеро было неласковым – и здесь от меня уже ничего не зависело, – но в нем хотя бы можно было отмыть заляпаннные засохшими болотными внутренностями сапоги. Положив пистолет на песок и разувшись, я занялся наведением глянца, на всякий случай поглядывая по сторонам. Все по-прежнему было спокойно, и равнина казалась безжизненной. Замка отсюда не было видно, его скрывала еще одна рощица. Но он, наверное, находился там, где ему и положено было находиться, – на прибрежном холме. Хотя с чего я взял, что посещение замка добавит мне знания и понимания? А вдруг получится совсем наоборот? Вместо ответов – новые вопросы...

Вероятно, мне не следовало мыть обувь именно в этом пасмурном водоеме. Я натянул сапоги и наклонился за пистолетом, и в это мгновение из озера с плеском вылетело что-то длинное, темное, похожее на распластавшуюся в молниеносном броске змею. Секунду спустя змея обвилась вокруг моей груди, дернула, увлекая в воду, и я, упираясь каблуками в песок, понял, что это не змея, а толстое щупальце неведомого здешнего обитателя. Сила была явно на его стороне, и он непременно утащил бы меня в свои подводные мрачные владения, в пещеру, ведущую прямо к далекому морю, если бы я не успел схватить пистолет. Преодолев сопротивление стержня-курка, со звоном лопнувшей струны ушедшего в корпус под отчаянным давлением моего пальца, я направил дуло пистолета на лилово-красное шершавое омерзительное щупальце, подрагивающее в предвкушении близкой победы.

«Первый выстрел», – сказал кто-то лишенным эмоций голосом (я готов был поклясться, что голос прозвучал из моего оружия!) – и воздух словно бы слегка дрогнул.

Щупальце потеряло свое лилово-красное разноцветье и сделалось почти прозрачным. В следующий миг оно ослабило хватку, перестало тянуть меня в воду, и я, продолжая упираться с той же силой при внезапном исчезновении противодействия, с размаху сел на песок на самом краешке берега. И успел заметить, как нечто совсем уже призрачное исчезло под водой. Булькнули два-три пузыря – и озерцо успокоилось.

Оставив позади неприветливый водоем, я еще раз осмотрел пистолет, достойно отразивший первую угрозу. Внутри прозрачного выступа под рукоятку появилась узкая синяя полоска. Я понял, что это регистратор выстрелов или, скажем, счетчик, дублирующий свои звуковые показания визуальными, – это, наверное, на тот случай, если стрелок окажется глухим или не поймет слов. Не попадалось мне что-то раньше такое оружие. Впрочем, мир, подобный этому, мне тоже раньше не попадался.

А в мире, между прочим, становилось светлей. Солнечные лучи прорвались наконец сквозь поредевшую облачную пелену, и равнина стала более уютной. Я шел по шуршащей траве, представляя себя то ли Паганелем, то ли Писарро, полной грудью вдыхал воздух, насыщенный восхитительными запахами летнего луга, и на какое-то время действительно позабыл о всех своих горестях и тревогах. Была не оскверненная еще и не изуродованная присутствием человека зеленая равнина под неведомым солнцем, была тишина и было одиночество.

Отступили на время мои горести и тревоги, остались там, за зеркалом, в мире обыкновенной, но черной луны...

Так я шел то ли час, то ли столетие, обходя рощицы, перешагивая через ручьи, спускаясь в ложбины и поднимаясь на пригорки, и наконец понял, что в окружающем присутствует какая-то странность. Что-то было не так. Сообразил я, в чем дело, довольно быстро. А дело было в том, что хотя прошел я уже немалый путь, башни замка не только не приблизились, но, кажется, даже отдалились от меня. Вероятно, чтобы дойти до цели, ходить тут нужно было как-то по-другому. Или и вообще не ходить, а пользоваться каким-то иным способом преодоления пространства.

Задача была на любителя, поэтому я остановился, призадумался и осмотрелся, вынырнув из грез о Паганеле и Писарро. И увидел поодаль, на скосе лощинки, полузакрытое травой темное отверстие входа в нору или пещеру. Или в берлогу здешнего медведя. Можно было, конечно, сделать вид, что ничего не заметил, но вдруг там-то и таится самое главное? А упустишь время – и кто знает, останется ли этот вход на прежнем месте, и останется ли вообще? Нельзя сказать, что мне нравилось лазить по подземным ходам (правда, в детстве случалось), но выбирать не приходилось. В конце концов, никто не тащил меня сюда на аркане, хотя пришел я сюда все-таки не от хорошей жизни.

Так я стоял и занимался нудным и бессмысленным диалогом с самим собой. Бессмысленным потому, что я знал, чем он закончится, и просто тянул время в надежде на какую-нибудь перемену ситуации. Но ситуация не собиралась меняться, и я, вновь погладив камешек – действие чисто ритуальное и, скорее всего, бесполезное – и вытащив из кармана пистолет, побрел к отверстию, подбадривая себя мыслями о том, что оружие в случае чего не подведет.

«Не помню сам, как я вошел туда...» – эта строка Данте проявилась чисто механически в тот момент, когда я, согнувшись, головой вперед нырнул в темноту. Цитат у меня накопилось великое множество еще со времен запойного чтения в стремлении как можно скорее постичь суть вещей. К сожалению (или к счастью?), книги не могли открыть всех истин мира.

Возможно, и не ожидало меня в темноте ничего похожего на мрачные картины Ада, которые прозрел великий итальянец. Но что-то ведь все-таки ожидало?...

2

Собственно, никакого продвижения вперед не получилось. Почти сразу я потерял под собой опору и приготовился к падению в неизвестность, успев искренне пожалеть о своем необдуманном поступке. Однако не упал, а повис в темноте, внезапно ощутив себя крохотной частицей, застывшей в глубине беззвездного межгалактического облака. Впрочем, повернув голову, я обнаружил, что в облаке есть просвет. Сделав несколько энергичных движений руками наподобие гребков при плавании брассом, я убедился, что это ничего не дает – я по-прежнему оставался на одном месте, словно подвешенный на нити к невидимому потолку. Можно было полоснуть в темноту из пистолета, но я решил пока не спешить и приглядеться к этому бледному подобию просвета – он ведь что-то значил, этот просвет, как и все другое в Мире Одинокого Замка. Да, я уже дал наименование миру за перевалом, в который попал, конечно же, не случайно. Наименование ровным счетом ничего не значило и ничего не меняло, но придавало этому миру хоть какую-то видимость привычной определенности.

Чем дольше я всматривался в просвет, тем больше мне казалось, что это вовсе не просвет, а некая бледно светящаяся медузообразная субстанция, застывшая то ли совсем рядом, в каком-нибудь десятке метров, то ли бесконечно далеко, у края Вселенной. В какой-то момент субстанция слегка дрогнула, на мгновение слившись с темнотой, и тут же появилась опять, словно подмигнул мне глаз космического исполина. Она, казалось, слегка посинела, пронзили мрак тонкие лучи, мимолетным теплом коснувшись моего лба, – и я понял, что нечто светящееся находится вовсе не у края Вселенной, а у меня внутри. Я понял природу этого нечего, понял не разумом и не чувствами, а тем загадочным и пока необъяснимым, что я назвал бы надвосприятием. Хотя дело здесь совсем не в терминах...

Не было больше темноты, а была одна сплошная медленная всепоглощающая сиропнотягучая волна рождающегося знания, подхватившая меня. Не мое тело, парящее в центре сферы инобытия (а я уже не сомневался, что попал именно в одну из таких сфер), а меня подлинного. Рассеянного наподобие электронного облака вокруг атомного ядра в почти безграничных точках и почти бесконечных мигах ста пятидесяти пространственно-временных измерений, составляющих только первый слой, только тончайшую пленку над истинными глубинами.

В совсем другие времена в безднах нашей Вселенной чем-то или кем-то были порождены некие существа, совершенно отличные от того, что у нас принято называть существами. Приходится пользоваться этим словом только потому, что нет ни в одном из человеческих языков слова, способного полностью выразить их суть. Существа возникли, самым фактом своего появления несколько изменив тогдашнюю Вселенную, и волею сил, их породивших, обосновались в окрестностях молодой звезды. А потом переселились на сотворенную для них теми же силами планету, которая в будущем в одном из пространственно-временных измерений стала называться Землей. Но в результате грандиозной и совершенно неясной в подробностях борьбы разных достаточно противоречивых начал на уже заселенную Землю попали семена, из которых впоследствии появился человек. Тот самый Адам и ребро его, ставшее Евой... В Книге книг нет никакой ложной информации, она действительно является кладезем знаний, только эти знания трудно, а подчас просто невозможно расшифровать. Ведь создавалась она людьми, втискивающими безбрежность данных извне понятий в тесную оболочку своих привычных представлений. Ускользали из вида при передаче глубинные слои, искажалась перспектива, смещались точки отсчета. Ничего, конечно, не ушло и не могло уйти, все осталось – но словно в другой системе координат. И отыскать

эту систему, войти в нее и осознать наконец подлинный смысл Книги книг – задача, увы, не решаемая. Во всяком случае, сейчас.

И вышло так, что пути предтеч и человека пересеклись на малозаметной планетке у заурядной звезды. Планетки, которой волею сил-создателей предстоит в невидимом пока из нашего круга будущем играть не самую последнюю роль во вселенских процессах. Предтечи и человек оказались несовместимыми, хотя и не взаимоисключающими сущностями. Пользуясь чьей-то незримой поддержкой, человек крепчал, расселялся по пространствам материков и островов. А предтечи, не в силах сдержать эту неумную экспансию, постепенно меняли свою природу, как бы вырождались, превращаясь в то, что известно каждому из нас из старинных преданий и сказок: в кобольдов, эльфов, домовых, русалок, привидения, сирен, nereid и прочих, имя которым – легион... Они пытались бороться, они еще отчаянно цеплялись за предопределенную им изначально планету, но ситуация складывалась явно не в их пользу. Потому что человеку была обеспечена довольно длительная и мощная поддержка с далеко идущим расчетом – и единственным спасением для предтеч был переход в другой слой бытия.

То, с чем я встретился в черной невесомости, было одним из предтеч, продолжавшим существовать с той далекой поры.

Удивительно, но факт: я не испытывал к нему неприязни, хотя и не находил особой радости от такого соседства, и предтеча (я ощущал это) тоже вполне мог терпеть меня. Но все-таки долго это не могло продолжаться, и наконец я почувствовал, как он буквально вытолкнул меня из сферы, дав мне осознать напоследок всю глубину пропасти, разделяющей нас. Пропать была так же глубока, как пропасть между людьми и животными. И не в наших силах было устранить ее.

Я вновь начал ощущать собственное тело и понял, что ситуация изменилась. Причем не в лучшую для меня сторону. Теперь подо мной была опора, но лучше бы мне было висеть в пустоте сферы инобытия! Поскольку оказалось, что я стою на коленях на каменном полу небольшого полутемного помещения, и мои разведенные руки обхвачены на запястьях тесными железными кольцами, которые накрепко вмурованы на штырях в каменную стену за моей спиной. Слабый рассеянный свет сочился, вероятно, из отверстия или окошка над моей головой, и в этом свете я видел наклонный потолок и обитую железом дверь в углу. Я оказался узником, запертым неизвестно где – в подземелье? в темнице замка? в недрах горы? – и неизвестно за какие прегрешения. И, пожалуй, самым главным был вопрос: какая кара мне грозит?

Справа от меня на каменном полу сидела босоногая девушка, обхватив руками поднятые колени и склонив голову к плечу. На ней было длинное светлое платье, когда-то, вероятно, нарядное, но теперь испачканное землей и травой. Рыжеватые волосы девушки были собраны в пучок на спине. Она сидела молча, смотрела в стену напротив и казалась оцепеневшей. Раньше я, кажется, ее никогда не встречал, хотя в ней все-таки было что-то знакомое.

Я довольно долго смотрел на нее, роясь в памяти, перебирая в памяти хорошо знакомых, знакомых и почти совсем незнакомых женщин, чьи-то квартиры, вокзалы, осенние парки, холодные подъезды, а она по-прежнему не шевелилась и даже, кажется, не дышала. Наконец я попытался встать и встал, и понял, что положение на коленях было для меня самым удобным из неудобных. Потому что прикованные к стене руки не позволяли подняться в полный рост, и стоять удавалось только на согнутых ногах. Я вернулся в исходную позицию, не отрывая взгляда от девушки, и она подняла голову, тряхнула волосами и повернулась ко мне. Лицо у нее было молодое, бледное и не очень веселое.

– Ты очнулся, Дор? – спросила она, с участием глядя на меня.

В мире, оставшемся за перевалом, мое имя звучало совсем не так. Никто и никогда не называл меня Дором. И я сам тоже никогда так себя не называл. Возможно, девушка просто

ошиблась. Возможно, вытолкнутый предтечей из сферы инобытия, я угодил в другую реальность, где действительно был Дором и совершал какие-то поступки, но сейчас почему-то забыл о том. А девушка помнила. Может быть, мне стерли память, заперев в этой темнице... А возможно, во мне действительно жил некий Дор, с которым я не был знаком, так же, как и он со мной, и который действовал независимо от меня. Следы этих действий вполне могли отражаться в моих снах – и, скорее всего, отражались, только я ничего не мог об этом знать, потому что такие сны если и снились, то обязательно начисто забывались при пробуждении.

Так что девушка могла и не ошибаться. И вообще, это сейчас не имело значения.

Она отнюдь не была моей надзирательницей, а была такой же пленницей, только с чуть большей свободой действий – ее опоясывала цепь, уходящая в стену. Возможно, нам грозило вечное заточение, а возможно, до исполнения приговора оставались считанные минуты. Наученный жизнью, я привык действовать, исходя из предположения о том, что обычно осуществляется самый худший вариант. Поэтому я не стал тратить время на долгие и, скорее всего, бесполезные расспросы, решив выяснить только насущное.

– Очнуться-то я очнулся, – сказал я, – только, кажется, кто-то отшиб мне память. Ничего не помню.

Девушка молча наблюдала за тем, как я, сжимая кулаки, пытаюсь вырвать штыри из стены. Увы, я не был Гераклом, да и Геракл на моем месте вряд ли справился бы с этой задачей.

– Мы здесь уже долго сидим? – спросил я. – За что?

Взгляд девушки стал еще более участливым и слегка испуганным. Она провела ладонью по волосам и медленно покачала головой:

– Бедный... Ты забыл о вторжении Хруфра? А битва в Отинне, а перелет через Огненный Пояс... – Девушка заговорила быстрее, поглядывая на дверь. – Ты ведь отказался, неужели ты не помнишь, что отказался, и Хруфр дал тебе время подумать в последний раз, до первого звона, неужели ты все забыл, Дор? Разве можно это забыть? Тебе же еще ничего не делали, ты не мог ничего забыть – я ведь все время с тобой...

– Стоп, – сказал я. – Подожди. А что будет после первого звона?

– Хруфр придет сюда за тобой, – поспешно ответила девушка. – Они сбросят тебя в Огненный Пояс. Дор, умоляю тебя, соглашайся, у тебя нет выбора...

Девушка встала, сделала несколько шагов в мою сторону и остановилась – дальше не пускала цепь. В глазах ее заблестели слезы.

– Сколько осталось до этого первого звона?

Девушка пожала плечами:

– Не знаю, каждый раз бывает по-разному. Ты на самом деле все забыл, Дор!

Хруфр мог явиться сюда в любой момент. Во всяком случае, это вполне отвечало бы законам жанра. Нужно было начинать действовать. Пистолет почему-то лежал в застегнутом на «молнию» кармане моей куртки, я чувствовал сквозь материю его твердую рукоятку, упиравшуюся в ребро. (Как он там оказался? Я ведь полез в дыру к предтече, держа его в руке...) Достать пистолет без посторонней помощи я никак не мог. Дотянется ли до него моя соседка по камере?

– У меня в кармане пистолет. Возьми и спрячь у себя. Как только кивну – стреляй в этого Хруфра, не задумываясь.

Не так, конечно, нужно было разговаривать с очень миловидной хрупкой девушкой, попавшей в заточение, наверное, вместе с Дором, не пожелавшей бросить его... но нужно было спешить.

Девушка не стала задавать лишних вопросов и, к моему облегчению, сумела кончиками пальцев дотянуться до «молнии». Я, изгибаясь, подался к ней, насколько позволили мои оковы, – и она расстегнула карман. Пистолет стукнулся о каменный пол, отлетел было в

сторону, но девушка ловко прихлопнула его ладонью, не дав ускользнуть за пределы досягаемости.

– Поможет ли? – с сомнением спросила она, разглядывая пистолет.

– Поможет. Это очень мощная штука.

Она села на прежнее место, прикрыв оружие подолом.

– А с чем я должен соглашаться? Чего от меня хочет этот Хруфр?

– Ты и это забыл...

В этот момент в отдалении раздался тихий звук («Звон!» сообразил я), и за дверью тут же послышался какой-то шум, похожий на лязг гусениц трактора или танка по асфальту. Дверь со скрежетом открылась и в нашу камеру ввалилось громоздкое роботоподобное создание двухметрового роста. Оно состояло, казалось, из бесчисленных кубов, цилиндров, пирамид и торов, сочлененных друг с другом без видимой закономерности и постоянно меняющих окраску наподобие разноцветных огоньков на новогодних елках. Создание можно было принять за дело рук модернистов-авангардистов, выбравшихся из своего андеграунда, но я сразу почувствовал, понял, что передо мной не кибернетический монстр из комиксов, а живое существо. По-своему живое существо, если смотреть на жизнь не только как на форму существования белковых тел. И не просто живое, а очень чуждое, очень враждебное человеку существо. У него было абсолютно отличающееся от нашего мировосприятие, и оно считало именно себя венцом творения. Существо почему-то представилось мне похожим на легендарного Вия, хотя и не было у него длинных век и железного лица.

У него не было вообще никакого лица, но был огромный маслянистый черный глаз, медленно пульсирующий среди кубов и пирамид. Когда глаз уставился на меня, я сразу вспомнил вторжение.

Я вспомнил почерневшее внезапно небо с ослепительным лохматым солнцем, картину, столь знакомую и обыденную там, за пределами атмосферы, но ужасающе невероятную на дне воздушного океана. Картину грозную, как видение Иоанна... Это было начало вторжения. Я вспомнил себя, Дора, лежащего навзничь посреди пустынной городской площади на мягком от жары, тошнотворно пахнущем асфальте. Где-то в глубине вымерших кварталов торопливо и обреченно бухала одинокая пушка крупного калибра – и вдруг наступила тишина, совершенно немыслимая тишина, хлынувшая с распоротого неба...

Мне тогда просто повезло, черная волна прошла чуть в стороне, зацепив и запросто опрокинув такие прочные на вид, возведенные, казалось, на века тройные кольца зданий горров-вещателей, и покатилась по Верхнему Городу, круша и дробя все вокруг. Мне повезло, мне удалось-таки выбраться оттуда (и не было рядом никакой девушки) и подземными ходами дойти до нашего надежного ущелья, до нашей единственной базы, способной противостоять черной волне.

Потом была превращенная в руины Отинна, но мы держались, мы стояли насмерть, и дело еще можно было поправить, если бы не промах интерпретаторов. Горры сделали все, что могли, но их, как всегда, не поняли до конца... И был Огненный Пояс, схватка света и тьмы, водоворот неукротимых стихий, вызванных из небытия теми, кто созидал и разрушал до нас... Был Огненный Пояс...

Но и там не было со мной никакой рыжеволосой спутницы...

– Я пришел, чтобы услышать твой окончательный ответ, – произнес Хруфр громким, но лишенным интонаций голосом. Было ясно, что это говорит не он, а какое-то переговорное устройство, некий кибернетический толмач, скрытый среди разноцветных конструкций. – Этот ответ мы будем считать окончательным, и в соответствии с ним будет принято решение. Итак, каков твой ответ?

Я обернулся к девушке. Она сидела неподвижно и напряженно, позабыв, кажется, о пистолете, и с мольбой смотрела на меня. Хруфр застыл, как выключенный механизм, и

пахло от него так, как могло бы пахнуть от неземного механизма – нельзя сказать, что неприятно, но как-то не по-человечески. Так мог пахнуть, скажем, регулятор уровней на Большом Марсианском канале.

– Я бы хотел еще раз услышать вопрос, – сказал я, поднявшись. – Тогда я, возможно, смогу дать ответ.

Если Хруфр и удивился (если он мог удивляться), то ничем это не показал. Черный глаз продолжал пульсировать в том же ритме. Вновь зазвучал бесстрастный голос электронного переводчика:

– Повторяю вопрос: отказываешься ли ты от дара? Этот вопрос я задаю тебе в последний раз.

Значит, я – это Дор, имеющий дар. И ради спасения своей жизни я должен отказаться от этого дара. Меня вынуждали отказаться от дара. От данного кем-то или чем-то дара. Отказаться. Или умереть... А чем же я буду без дара? Без Дара. Без-дарным. Бездарным. Существом двуногим, прямоходящим, без перьев и с плоскими ногтями, бездарным...

Черный глаз перестал пульсировать, застыло разноцветье цилиндров, торов, кубов и пирамид.

– Давай, действуй, – сказал я оцепеневшей девушке. – Действуй, милая.

Больше всего я боялся, что девушка не сможет выполнить то, о чем я ее просил, но она оказалась молодчиной. Хруфр не сделал ни единого движения, когда она достала пистолет и, обхватив его обеими руками, надавила на курок. «Второй выстрел», – сказали в темнице, воздух чуть дрогнул, и громоздкое тело иносущества начало оплывать, сереть, оседать подобно снежной бабе под полуденным июльским солнцем. Процесс перевоплощения происходил в полной тишине, словно кто-то внезапно выключил звук.

Оплывало, текло, колыхалось, меняло форму... Я даже не заметил того момента, когда исчезли оковы и мои руки стали свободными. Я смотрел во все глаза на вершащееся передо мной чудо превращения. Не было уже никакого роботоподобного гиганта Хруффа, а был лежащий на полу у двери худощавый человек со знакомым лицом.

С моим лицом.

Я пересек темницу и склонился над ним, упираясь руками в колени. Он лежал на спине и молча смотрел на меня. Это тоже был я, еще один я, только что предлагавший мне отказаться от дара. Он протянул мне несколько сложенных листков из тетради в клеточку и закрыл глаза, словно это движение лишило его последних сил.

Я развернул листки и начал читать слова, написанные (страшно сказать!) двадцать лет назад, написанные кем-то из нас, а вернее, нами обоими, полудетское еще повествование о том, что действительно случилось когда-то. Вот оно, то неумелое творение давних лет.

«День был пасмурный, моросил дождь. Мальчик поднял втоптанную в грязь палку, и пальцам стало холодно от прикосновения к мокрому дереву. Но палка была просто необходима – чем же еще ворошить кучу опавших листьев, сметенных со всего большого двора?

Сверху листья были скользкими и мокрыми, но мальчик знал, что в глубине они остались сухими и теплыми, впитав в себя солнечные лучи. Он увлеченно ворошил листья – и вдруг ему под ноги выкатился белый шарик.

Мальчик воткнул палку в листья, поднял его и почувствовал, как становится тепло онемевшим пальцам. Он осторожно сжал шарик в ладонях и поднес к лицу. И увидел на гладкой, словно отполированной, поверхности маленькое отверстие, закрытое чем-то прозрачным. Отверстие было похоже на иллюминатор подводной лодки из мультфильма. Мальчик зажмурил один глаз, а другим заглянул в это отверстие, как заглядывал обычно в трубку калейдоскопа. Заглянул – и забыл о палке, листьях и дожде.

– Сынок! – донеслось от подъезда. – Иди сюда.

Мальчик вздрогнул и оторвался от шарика.

Они поднимались по лестнице, и мальчик держал руку в кармане, поглаживая теплую поверхность шарика, и не слышал, что говорит ему мама.

В прихожей он быстро снял куртку и зажал шарик в кулаке.

– Где ты так измазался? – спросил вышедший из комнаты отец.

Мальчик нетерпеливо махнул рукой:

– Па, ма, смотрите, что я нашел!

– Опять что-то подобрал? – Отец шагнул к мальчику. – Сколько раз тебе говорил: не копайся в грязи! Погляди на свои руки. А ну, марш в ванную!

– Подожди, па. Ты только погляди в эту дырочку. Там... там!.. – У мальчика перехватило дыхание.

Он привстал на цыпочки, поднял руку с шариком, стараясь дотянуться до отцовского лица. Отец недовольно дернул головой:

– Да что ты мне его суешь чуть ли не в рот!

– Ну погляди, па, ну погляди!

– Взгляни, он же тебя просит, – причесываясь перед зеркалом, сказала мама.

Отец кончиками пальцев брезгливо взял шарик, поднес к глазам. Мальчик, задржав голову, нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Ну как, па, ну как? Здорово, правда?

Отец молча глядел в отверстие. Наконец опустил руку, произнес ледяным голосом:

– Что ты мне голову морочишь? Ничего там нет.

Мальчик растерянно моргал.

– Как?... Как?... – У него задрожали губы. – Там же звезды... Много... Это как кино...

Они все такие разные...

Он схватил шарик, повернулся к маме:

– Мапочка, миленькая, посмотри – там же так красиво!

Мама улыбнулась, взяла у него белый шарик.

– И правда, – неуверенно произнесла она, вглядываясь в отверстие. – Как будто звезды. Красивые.

– Я же говорил, я же говорил! – Мальчик запрыгал на одной ноге по прихожей, прижался к отцу. – Папка, ты просто плохо смотрел!

– Ладно, – буркнул отец. – Иди, мой руки.

– Мапочка, не потеряй мой шарик! – крикнул мальчик, убегая в ванную.

– Зачем ты потворствуешь его выдумкам, Ольга? Он же смеется над нами.

– Ну что ты! – Мама еще раз заглянула в отверстие. – Пусть развивает воображение. И вообще, может быть, детям дано видеть то, чего, увы, уже не всегда видим мы, взрослые. Посмотри-ка еще раз.

– И ты туда же! – Отец махнул рукой и ушел в комнату.

Ужиная, мальчик даже не болтал ногами под столом – он спешил разделаться с едой и рассказать, что еще он только что увидел в чудесном шарике. Отец читал газету и, не глядя, тыкал вилкой в тарелку.

– Папа, мама, а в шарике ракета. А рядом человечки, такие малюсенькие-премалюсенькие, – мальчик показал пальцами какие, – и светятся, как звездочки. Это у них одежда такая специальная, блестящая. Они летают вокруг ракеты и что-то делают. Там, в космосе. А потом они стали увеличиваться, и ракета тоже стала увеличиваться, как будто они ко мне приближаются. – Мальчик переводил заблестевшие глаза с отца на маму. – И я увидел, что сбоку у ракеты большая черная дырка, и они все около нее возятся... И уже почти совсем хорошо стало видно, только я не успел все рассмотреть, потому что ужинать надо.

Мальчик отодвинул чашку, вынул из кармана шарик.

– Вот, поглядите. На, погляди, мама.

– Допивай чай, сынок. – Мама положила ему еще один бутерброд. – Потом поглядим.
– Папа, ну ты погляди, – не успокаивался мальчик.

Он быстро соскочил со стула, взобрался к отцу на колени, протянул шарик.

– Дашь ты мне спокойно поесть?! – Отец отшвырнул газету. – Убери сейчас же свой хлам – иначе пойдешь в угол!

Мальчик, понурившись, вернулся на свое место.

...Ночью он тихо пробрался в комнату родителей и положил шарик на подушку, у самого уха отца. Пусть отец тоже услышит тихую музыку и поверит, что никакие это не выдумки, и что шарик действительно чудесная, волшебная находка. Отец услышит и поверит. Обязательно поверит.

А утром его разбудил громкий сердитый голос отца, доносившийся из-за двери.

– Это уже слишком! – раздраженно говорил отец. – Тащит в дом всякий хлам с помойки, да еще сует мне в постель!

Мальчик робко открыл дверь. Отец повернулся от окна.

– А-а, явился!

– Не кричи на него. – Мама еще лежала, рассеянно разглядывая ногти.

Мальчик шагнул в комнату.

– Папа, я же хотел... Я же хотел... – Он всхлипнул. – В нем музыка играет, я слышал! Я хотел, чтобы и ты послушал...

– Ах, еще и музыка? – вскричал отец и показал на открытую форточку. – Вот пусть там и играет. Я выбросил твоё барахло. И чтобы больше в дом никакой дряни!

...На улице вновь моросил дождь. Мальчик стоял посреди огромного пустого двора, стоял с шариком на ладони. С мокрым расколотым шариком.

– Марш домой! – крикнул в форточку отец и, закрывая ее, проворчал: – Игрушек ему, видите ли, мало...

День был пасмурный...»

3

Я наклонился и положил рукопись рядом с человеком, у которого было мое лицо. Глаза его продолжали оставаться закрытыми, но он не спал. Он не мог спать на каменном полу. Детская уловка. Так делают, выжидая, когда же уйдут мешающие и можно будет заняться тем, чем хочешь заняться без посторонних. Я сам часто делал именно так, притворяясь спящим.

Итак, он требовал, чтобы я отказался от дара. Чтобы я уподобился ему, поступившему таким образом много-много лет назад, пасмурным днем. Ему, подошедшему к развилке и повернувшему направо или налево, и расставшемуся со мной. Наши пути все больше расходились, и были другие развилки, и на каждой из них кто-то, не прощаясь, сворачивал, навсегда удаляясь от меня. А он решил вернуться. И увлечь меня на свой путь.

Такое уже было со мной, только без угроз и каменных темниц. Некое кафе, некий Двойник, который советовал плюнуть на Необходимые Вещи как на самообман, и смотреть себе по вечерам телевизор. Было это в совсем-совсем другом мире, где звали меня по-другому, но – было. Тогда я просто ушел, а вот теперь вряд ли бы все прошло так гладко, если бы не девушка...

Девушка!

Я обвел глазами темницу. Пистолет лежал рядом с цепью, похожей на унылую змею, нет, на сброшенную змеиную кожу, а девушки не было. Растворилась? Тихо ушла?

Дверь была приоткрыта, за дверью застыли темнота и тишина.

– Она ушла? – спросил я того, кто только что был Хруфром, кого, возможно, сделали Хруфром в наказание за отказ. – Ее имя Иллолли?

Он посмотрел на меня из-под приспущенных век и слегка усмехнулся. Я понял, что вопросы мои неуместны и бесполезны. У него была своя система координат и свой круг понятий. Правда, что-то где-то все-таки, по-видимому, пересекалось или хотя бы соприкасалось. Иначе не давал бы он мне эту старую рукопись, не вспоминал бы давнюю-предавнюю историю, гвоздем царапающую по полированной поверхности того, что принято называть душой. Впрочем, не мне судить о чужой душе, даже если она была когда-то моей. Да разве и о своей можно что-либо судить?...

Я подобрал пистолет и направился к двери. И все-таки оглянулся напоследок, чтобы хоть что-то сказать на прощание. Вместо прощания.

Слишком поздно я оглянулся. Его, конечно, уже не было. Он отправился дальше, от развилки к развилке, множа и множа вселенные. Как все мы...

Интересно, сколько бы мне удалось продержаться здесь без этого пистолета? И удалось бы?...

Я окунулся в темноту и тишину за дверью, и некоторое время беспомощно стоял, стараясь услышать хоть какой-нибудь звук, увидеть хоть какое-то подобие света. Но тщетно. Решительно вздохнув, как прыгун перед разбегом к планке, я выставил руки и медленно двинулся вперед на поиски выхода. Хотя выхода могло и не быть. Я сделал всего лишь несколько коротких неуверенных шагов – идти почему-то было тяжело, словно я продвигался глубоко под водой, – а тишину уже заполнили неясные шорохи, и в темноте поплыли бледные подбоя пята. Ничего тут от меня не зависело, все это могло быть в равной мере как моими субъективными ощущениями, так и происходить наяву (если можно применить это слово). И оставалось надеяться, что я доберусь до выхода раньше, чем потеряю способность ориентироваться в пространстве.

Чтобы хоть немного отвлечься от детских страхов, всегда живущих в подсознании любого человека, я принялся считать шаги, но почему-то почти сразу же сбился со счета.

Попытался что-то насвистывать, однако собственный свист показался таким фальшивым и неуместным, что я прекратил это занятие. Внезапно обнаружилось, что спина моя взмокла от пота, как у персонажей бесцветных книг. Я почувствовал удушье, остановился – и тут же кто-то или что-то прошмыгнуло под ногами, задев сапоги... еще раз... и еще...

Вспотевший, задыхающийся, я стоял в темноте, сотрясаемой истерическими ударами моего сердца, а под ногами без остановки сновали невидимые страхи. Герой из меня получался явно никудышный. Разозлившись на себя, я отшвырнул ногой что-то почти неуловимое, но осязаемое, опустил руки и решительно пошел напролом, ясно осознав, что дальнейшее мое осторожничанье может плохо кончиться и Одиссей завершит путешествие, так и не увидев берегов Итаки. Я, конечно, льстил себе, сравнивая себя с отважным хитромудрым греком – не было во мне никакой отваги...

Как оказалось, напролом я пошел зря, потому что очень скоро наткнулся на преграду. Хорошо еще, что она оказалась чем-то вроде резины – подалась под напором моего тела и упруго оттолкнула, не причинив никаких повреждений. Я отлетел назад, стараясь удержаться на ногах, и воткнулся спиной в нечто такое же резиново-упругое. Восстановив равновесие, я вновь вытянул руки, чтобы исследовать окружающее хотя бы на ощупь, и довольно быстро обнаружил, что каким-то образом оказался в тесном пространстве, со всех сторон ограниченном упругими стенами. Что-то вроде камеры для буйнопомешанных?

Это была ловушка. Вполне возможно, она предназначалась и не для меня, однако мне от этого было не легче.

Мне явно предлагали поддаться панике, но я нашел в себе силы повременить с этим. В конце концов, можно было пустить в ход пистолет – вдруг он способен разрушить и стены? Но с пистолетом не стоило спешить – все-таки последний шанс... Удушье внезапно прошло, я получил возможность вздохнуть полной грудью и почувствовал себя почти счастливым. Как все-таки, оказывается, мало нужно для подобия счастья: даже находясь взаперти, иметь возможность свободно дышать... после удушья...

Присев на корточки, я исследовал пол – пол был холодным и ровным, и ничто больше не шныряло из угла в угол. До потолка, даже подпрыгнув, достать не удалось. Похоже было, что я угодил в какой-то колодец. Оставалось еще воспользоваться голосом – почему бы и нет? – и я воспользовался.

– Э-эй! – крикнул я, рупором приставив ладони ко рту. – Э-эй, есть здесь кто-нибудь?

Зов мой получился неожиданно громким и гулким, словно я кричал в огромной пустой трубе. Не успело еще стихнуть эхо, как над моей головой послышался шорох и возник свет – там, наверху, отодвинули крышку колодца. Вслед за тем рядом со мной упало что-то, оказавшееся веревкой. Можно было делать очередной ход. (Кем я был? пешкой? ферзем? Конечно, хотелось бы – ферзем... Но в чьей игре?)

Выбравшись из колодца, я очутился в небольшом бревенчатом срубе с плотно утрамбованным земляным полом и двускатной крышей. Она была покрыта ветками с засохшими листьями и изобиловала щелями, сквозь которые проглядывало серое небо. Вдоль одной из стен тянулось грубо сколоченное сооружение из досок, наподобие топчана, на котором, пожалуй, могли улечься рядом человека три, а то и четыре. В окне над топчаном, скорее, не окне даже, а просто квадратном отверстии, прорубленном в бревнах, виднелась за деревьями равнина и башни на холме. Сруб, видимо, стоял на окраине одной из рощиц, скрашивающих однообразие Мира Одинокого Замка. Дверной проем был закрыт косматой шкурой какого-то животного из тех, наверное, что водятся не в наших лесах. Может быть, альтаирского однорогого ревуна или плоскозубого скитальца-мертвенника с островов блуждающей планеты Роконты, некогда подарившей Марсу его теперешние спутники Фобос и Деймос. У другой стены стояло таким же, как и топчан, неряшливым манером сработанное подобие неоструганного стола с неожиданно изящной глиняной вазой в форме ушастой головы

какого-то ухмыляющегося существа inferнального вида. Два перекошенных табурета на высоких сучковатых ножках не вызвали никакого желания сесть на них. В углу, на охапке зеленых ветвей, был расстелен роскошный серебристый плащ с темной меховой изнанкой. Что находилось позади меня, я не знал, а напротив, в трех шагах от деревянной крышки колодца, стояла девушка, сжимая в руках веревку. Без сомнения, именно она и помогла мне выбраться из подземелья.

Некоторое время мы молча стояли, разглядывая друг друга. Девушка была рыжеволосой, похожей на ту, что исчезла из каменной темницы. Но не той. Рыжие волосы завитушками осыпались на загорелые плечи, едва прикрытые короткой черной курткой-безрукавкой. Оголенный живот просто радовал взор. Ниже тело девушки облегали шорты из такого же черного материала. Они заканчивались на середине красивых бедер. На ногах было что-то кожаное, наподобие тапочек на толстой подошве, а руки до локтей обтягивали полупрозрачные черные перчатки. Девушка была стройной и тонкой, но отнюдь не хрупкой. Чувствовалась в ней сила гибкого хлыста, способного, при необходимости, рассечь кожу до костей. И в глазах с глубоким зеленым отливом читалась решительность и даже некоторая суровость. Она, по первому впечатлению, была, пожалуй, сродни воинственным амазонкам – Ипполите, Аэлле, Протое и прочим. Только с грудью у нее, в отличие от них, все было в полном порядке – не слишком туго зашнурованная куртка не могла это скрыть.

«Там, где сеча кипит, амазонка ликует Камилла», – механически возникла в памяти строка «Энеиды».

– Наконец-то, – раздраженно сказала девушка, быстрыми ловкими движениями сматывая веревку, которую я после некоторой заминки догадался выпустить из рук. Голос у нее оказался низким и резковатым, таким, каким и должен быть голос девушки с решительным взглядом. – Ты что, успел там с кем-то переспать, в этом лабиринте?

Я осторожно пожал плечами, предпочитая, по возможности, молчать до тех пор, пока не узнаю своей роли. Впрочем, девушке и не нужен был мой ответ. Бросив смотанную веревку на плащ, она скользнула на топчан. Прислонилась спиной к бревнам и подняла колени, обхватив их руками.

– Садись. – Она мотнула головой на табурет и прищурилась. – Значит, ты тот самый Легис. Необученный.

Она не спрашивала, а, скорее, утверждала. Я аккуратно присел на покачнувшийся табурет и все-таки не удержался от вопроса:

– А ты – не Иллолли?

Девушка нахмурилась, потом оглядела меня с некоторой брезгливостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.